

Feruzakhon Kazimjanovna Khabibullaeva
Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences
Associate Professor at the Andijan Branch of Kokand University
E-mail: feruza0902@mail.ru
Andijan, Uzbekistan

Key words: literary psychologism, dramatic mode, authorial stage direction, silence as reply, idiom, intonational structure, Uzbek prose.

Received: 10.10.26
Accepted: 11.10.26
Published: 12.10.26

Abstract: The article examines the recreation of devices of psychological portrayal in two Russian translations of Abdulla Qodiriy's novel. The study rests on the predominance of the dramatic mode of psychologism in the making of the central character, under which authorial explanations acquire the weight of a stage direction. Four nodes are traced: the contrastive road episode with the idiom about bread fallen into water, the sequence of authorial notes during the interrogation before the kushbegi, the four-link semantic structure of the address to him, and the silences that function as replies. The accuracy of translation is shown to depend on the preservation of syntactic structure, the intonation of enumeration and the external physiological sign. The analysis proceeds on four levels, lexical, syntactic, intonational and compositional, with extended utterances broken down into semantic links and a count of the links retained in translation. Silences functioning as replies are examined together with the authorial notes accompanying them. The image of the hero is shown to depend on the preservation of aspectual and syntactic means that usually remain outside the field of vision when translation quality is assessed.

<http://www.supportscience.uz/index.php/ojp>

Feruzaxon Qozimjonovna Habibullayeva

Filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD)

Qo'qon universiteti Andijon filiali dotsenti

E-mail: feruza0902@mail.ru

Andijon, O'zbekiston

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: badiiy psixologizm, dramatik usul, muallif remarkasi, jimlik-replika, frazeologizm, intonatsion qurilish, o'zbek nasri.

Annotatsiya: Mazkur maqolada Abdulla Qodiriy romanining ikki ruscha tarjimasida psixologik tasvir vositalarining qayta yaratilishi tahlil qilinadi. Tadqiqotning nazariy asosi bosh qahramon obrazini yaratishda psixologizmning dramatik usuli ustunlik qilishi, bunda muallif izohlari dramatik remarka vazifasini bajarishi haqidagi qarashdan iborat. Tadqiqotda to'rtta asosiy mazmuniy nuqta kuzatildi: suvga tushib ketgan non haqidagi frazeologizm qo'llangan qarama-qarshi yo'l epizodi, qushbegi huzuridagi so'roq jarayonida berilgan muallif izohlari qatori, unga qaratilgan murojaatning to'rt mazmuniy bo'g'indan tashkil topgan semantik tuzilishi hamda jimlik orqali ifodalangan replika-holatlar. Tarjimaning aniqligi sintaktik qurilish, sanash intonatsiyasi va tashqi psixofiziologik belgining saqlanganlik darajasiga bevosita bog'liq ekanligi aniqlandi. Tahlil leksik, sintaktik, intonatsion va kompozitsion darajalarda olib borilib, kengaytirilgan fikrlar mazmuniy bo'g'inlarga ajratildi hamda tarjimada saqlab qolingan mazmuniy bo'g'inlar miqdori hisoblandi. Jimlik xarakteridagi replikalar ularga hamroh bo'lgan muallif izohlari bilan birgalikda tahlil qilindi. Tadqiqot natijasida qahramon obrazining to'laqonli yaratilishi tarjimada tur va sintaktik vositalarning saqlanishi bilan chambarchas bog'liq ekani ko'rsatildi. Tarjima sifatini baholashda odatda e'tibordan chetda qoladigan ushbu vositalar qahramonning ichki ruhiy holatini va psixologik qiyofasini qayta yaratishda muhim ahamiyat kasb etadi. Tadqiqotning amaliy ahamiyati kengaytirilgan fikrni mazmuniy bo'g'inlarga ajratish va tarjimada saqlangan bo'g'inlar sonini aniqlash tartibining taklif etilganligi bilan belgilanadi. Tadqiqot natijalari o'zbek psixologik nasri tarjimalarining sifatini baholash va ularni takomillashtirishda qo'llanishi mumkin.

ПРИЁМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГИЗМА АБДУЛЛЫ КАДЫРИ И ИХ ВОССОЗДАНИЕ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ферузахон Казимжановна Хабибуллаева

Доктор философии по филологическим наукам (PhD)

доцент Андиганского филиала Кокандского университета

E-mail: feruza0902@mail.ru

Андиган, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: художественный психологизм, драматургический способ, авторская ремарка, реплика-молчание, фразеологизм, интонационный строй, узбекская проза.

Аннотация: В статье разобрано воссоздание приёмов психологического изображения в двух русских переводах романа Абдуллы Кадыри. Опорой служит положение о преобладании драматургического способа психологизма при создании образа главного героя, при котором авторские пояснения получают нагрузку драматической ремарки. Прослежены четыре узла, контрастный дорожный эпизод с фразеологизмом об упавшем в воду хлебе, ряд авторских пояснений при допросе у кушбеги, смысловая структура обращения к нему из четырёх звеньев и реплики-молчания. Установлена зависимость точности перевода от сохранности синтаксического строя, интонации перечисления и внешнего психофизиологического признака. Разбор вёлся по четырём уровням, лексическому, синтаксическому, интонационному и композиционному, с разложением развёрнутых высказываний на смысловые звенья и подсчётом звеньев, удержанных переводом. Реплики-молчания разбирались вместе с сопровождающими их авторскими пояснениями. Показана зависимость образа героя от сохранности видовых и синтаксических средств, обычно остающихся вне поля зрения при оценке качества перевода. Практическая значимость состоит в предложенном порядке разложения развёрнутого высказывания на смысловые звенья с подсчётом звеньев, удержанных переводом. Наблюдения приложимы к оценке качества переводов узбекской психологической прозы.

Введение. Психологизм принадлежит к опорным свойствам реалистического характера, отчего утраты при передаче приёмов психологического изображения

отзываются на образе героя целиком. Проблема работы состоит в неучтённости синтаксических и интонационных средств психологизма при оценке качества перевода, поскольку внимание переводоведов сосредоточено обычно на лексике. Рабочая гипотеза формулируется следующим образом. При драматургическом способе психологического изображения авторские пояснения получают вес драматической ремарки, отчего перевод их требует той же точности, какая предъявляется к прямой речи. Актуальность подкреплена растущим вниманием к сопоставительному изучению повествовательной техники узбекской и русской прозы. Материалом проверки избран образ Атабека в романе Абдуллы Кадыри «Ўтган кунлар» вместе с двумя русскими переводами, 1958 и 2009 годов. Выбор образа объясняется сосредоточенностью на нём почти всех разновидностей психологического письма, применяемых в произведении.

Анализ литературы. Через психологизм у читателя складывается полное представление о персонаже. Внутреннее движение выходит наружу поступком, внешнее действие отзывается внутри, отчего система приёмов изображения душевной жизни оказывается связанной с укладом, языком и мировосприятием народа. А.Б. Есин разграничил формы психологического изображения в русской классике [7], В.В. Компанеец разобрал их бытование в прозе двадцатых годов [11], И. Султон описал соответствующий аппарат в узбекском литературоведении [17]. Драматургический способ психологического изображения выделен Д.Х. Қуроновым при разборе романа Чулпана «Ночь и день» как один из ведущих [12]. Тот же способ преобладает при создании образа Атабека, отчего реплики, поступки и авторские пояснения к ним получают вес драматической ремарки. Поэтика повествовательных жанров узбекской прозы в сопоставительном освещении разработана С.Э. Камиловой [9].

Методология. Отбор эпизодов вёлся по признаку сосредоточенности приёма, отчего в выборку вошли места с наибольшей плотностью авторских пояснений. Разбор вёлся по четырём уровням, лексическому, синтаксическому, интонационному и композиционному. На лексическом уровне проверялись фразеологические соответствия и обозначения внешних психофизиологических признаков, на синтаксическом соотношение числа предложений в подлиннике и в переводе, на интонационном сохранность перечислительного ряда, на композиционном место фрагмента в устройстве эпизода. Русские соответствия сверялись по словарю С.И. Ожегова. Смысловая структура развёрнутых высказываний разлагалась на звенья, после чего устанавливалось число звеньев, удержанных переводом. Реплики-молчания разбирались вместе с сопровождающими их авторскими пояснениями, поскольку вне пояснения молчание художественного содержания не несёт.

Результаты. Дорожный эпизод построен на контрасте между весенним обновлением и состоянием героя. Композиция отрывка складывается из трёх шагов, описания душевного состояния, контрастирующей пейзажной зарисовки и параллельного изображения природы и внутреннего движения. Первый шаг уместён в одно предложение с предикативным центром «Атабек ехал» и пятью обстоятельствами образа действия [3]. Внимание сосредоточено на том, как ехал герой, а нарастающая интонация перечисления даёт представление о степени подавленности. Перевод 1958 года разбил предложение на три [1, с. 145], отчего пропала и интонация, и последовательная связь компонентов. Перевод 2009 года свёл отрывок к двум предложениям и приблизился к синтаксическому строю подлинника, сохранив часть интонационного рисунка. Смысловые связи при том остались нарушенными, поскольку сравнительный оборот о размякшем хлебе не сочетается ни с одним из предшествующих компонентов. Ж.А. Голикова относила дробление длинного периода к приёмам, требующим осторожности при работе с интонационно организованной прозой [6, с. 287]. Утрата нарастания сказывается на всей композиции отрывка, поскольку без неё второй и третий шаги теряют опору.

Фразеологизм «сугга тушган нондек» передан в обоих случаях дословно. Узбекское выражение обозначает человека, впавшего в беспомощное и безвольное состояние, чему в русском языке отвечают обороты «опустить руки» и «пасть духом». Опорой образа служит повседневная практика питания, отражённая в оборотах «шўрвага нон бўктирмоқ» и «иссиқ нонни сугга бўктириб емоқ», тогда как для принимающей культуры размокший хлеб привычным предметом сравнения не выступает. Слово «расслабленный» толкуется у С.И. Ожегова как лишённый силы и энергии [14, с. 255], причём допускается и добровольный переход в подобное состояние. Герой между тем убит обстоятельствами, отчего уместнее выглядели бы «разбитый» либо «отчаявшийся». Расхождение между дословностью и адекватностью проступает здесь с полной отчётливостью. Е.Н. Белая относил подбор фразеологического соответствия к отдельному разряду переводческих задач, решаемых на уровне высказывания [4, с. 92]. Диапазон значений узбекского оборота шире одного русского прилагательного, отчего частичное совпадение оборачивается смысловым сужением.

Допрос у Утаббая кушбеги показан через ряд коротких авторских пояснений, размещённых между репликами. Недоумение на лице, лёгкое волнение при вопросе о Хасанали, смущение при вопросе о женитьбе в Маргилане и догадка о серьёзности расспросов образуют последовательность нарастающего напряжения [1, с. 84]. Разница между переводами на отрезке невелика. Перелом наступает с намёком на обвинение, когда состояние героя подано глазами кутидора. Оригинал сообщает о страхе тестя «унинг бу

айткан гапидан эмас, кулишидан» [3], причём улыбка в положении подсудимого читалась как непризнание власти. Перевод 1958 года дал общее «и слова, и особенно его улыбка бросали в жар и холод» [1, с. 84], перевод 2009 года восстановил противопоставление [2, с. 82]. Различие существенно, поскольку на противопоставлении держится сопоставление двух типов поведения, независимого у Атабека и приниженного у кутидора. И.Ю. Иеронова описывала переводчика как межкультурного посредника, обязанного распознавать поведенческие коды изображаемой среды [8, с. 229]. Улыбка в разбираемой сцене принадлежит к числу подобных кодов, и вес её задан положением говорящего.

Психофизиологический признак служит в романе прямым указателем на внутреннее состояние. При предъявлении обвинения оригинал сообщает «Отабек азбаройи бўғилиб кетканидан кўкимтил товланган» [3], перевод 1958 года ставит «Атабек побледнел от негодования» [1, с. 85]. Побледнение отвечает внезапности, тогда как герой шёл к страшному постепенно и готовился принять его усилием воли. Волевое усилие героя показано в подлиннике через сопротивление удушью. Перевод 2009 года восстановил исходный признак, «У Атабека перехватило дыхание, отчего он посинел» [2, с. 82], чем вернул описанию точность физиологического наблюдения. Спазм, то отпускающий под натиском воли, то берущий верх, отвечает изображаемой борьбе. Замена одного внешнего признака другим перестраивает при таком устройстве текста весь рисунок внутреннего движения, отчего проверка подобных мест по физиологической правдоподобности входит в круг переводческих задач. М.Ю. Семенова относил подобную проверку к предпереводческому анализу текста [16, с. 344]. Оба признака закреплены за разными состояниями и в русском обиходе, отчего замена ощутима и без обращения к подлиннику.

Кульминацией эпизода становится обращение Атабека к кушбеги. Смысловая структура высказывания складывается из четырёх звеньев, отрицания страха перед казнью, отрицания лести, указания на понятливость собеседника среди государственных мужей и сообщения о взглядах отца и сына [3, б. 75]. Перевод 1958 года свёл высказывание к двум фразам, «Я не боюсь казни и вовсе не собираюсь льстить вам, но считаю вас из всех правителей наиболее разумным и справедливым» [1, с. 85], где смысл одного звена подан как смысл целого. Герой предстаёт дерзким, тогда как подлинник рисует человека, взвешивающего каждое слово ради беспристрастного разбирательства. Перевод 2009 года переставил обстоятельство «из всех правителей», сохранив остальное [2, с. 83]. Воссоздание алгоритма смысла до подбора словесных соответствий выступает здесь условием адекватности. И.А. Кашкин настаивал на предварительном уяснении хода авторской мысли [10, с. 106], С. Маркиш связывал успех перевода с сохранностью риторического построения [13, с. 155].

Авторские пояснения при драматургическом способе несут нагрузку ремарки. Сообщение «отасифа хам учрашмади» [3] указывает на нарушение обычая, по которому вернувшийся домой первым делом является к родителям, отчего мера потрясения героя проступает без прямых слов. Оба перевода дали «не захотел видеть отца» [1], где остаётся одна обида. Реплика «Мени зўрлаган ва мажбур қилган эдилар, дада» [3] отвечает предшествующему упрёку отца и содержит встречный упрёк за принуждение ко второму браку. Перевод 1958 года ввёл отсутствующий в подлиннике императив «Вы должны знать» [1, с. 293], противоречащий этикету и характеру героя. Разница между сыновним упрёком и наставительным требованием существенна, поскольку весь эпизод держится на удержании обоими собеседниками черты дозволенного. Перевод 2009 года императив сохранил и прибавил «позор, который не делает ему чести» [2, с. 325], где заложена логическая несообразность, поскольку позора, делающего честь, не бывает. Следование тексту предшественников обернулось здесь закреплением чужой ошибки вместе с добавлением собственной.

Обсуждение. Реплики-молчания образуют отдельный приём. При допросе Мусульманкулом оригинал сообщает об отчётливом понимании героем всей тяжести дальнейшей участи, «бундан сўнгги кўргулигини тамом маъноси билан онглаб» [3], перевод же оставляет догадку [1, с. 195]. Осознанный выбор молчания при полном понимании обстановки отличается от растерянного молчания при догадке, и вместе с различием уходит мотивировка мужества героя. Второй случай приходится на наставления отца, где авторское пояснение о склонённой голове и о видимости подчинения передано как «Такие слова отца сулили большие перемены в доме» [1, с. 295], причём подлинник говорит о хороших видах на будущее [3, б. 306]. Две части предложения расходятся по смыслу, и пояснение утрачивает назначение. Б.Б. Вахтин относил подобные потери к следствиям невнимания к подтексту [5, с. 22], М. Рыльский связывал их с недооценкой авторской интонации [15]. Молчание при драматургическом способе работает полноценной репликой, отчего перевод сопровождающего пояснения приобретает вес перевода прямой речи.

Заключение. Проведённый разбор подтверждает рабочую гипотезу: при драматургическом способе психологического изображения авторские пояснения в романе «Ўтган кунлар» выполняют функцию драматической ремарки, и их перевод требует той же точности, что и передача прямой речи. Сопоставление двух русских переводов показало, что основные потери связаны не столько с выбором лексических соответствий, сколько с дроблением периода и утратой нарастающей интонации перечисления, заменой внешнего психофизиологического признака («побледнел» вместо «посинел»), сокращением

смысловой структуры развёрнутого высказывания и введением отсутствующих в подлиннике элементов (императив «Вы должны знать»).

Перевод 2009 года в ряде случаев восстанавливает утраченные противопоставления и признаки, однако местами наследует ошибки предшественника и добавляет собственные. Реплики-молчания и сопровождающие их авторские пояснения оказываются наиболее уязвимым участком перевода, поскольку вместе с ними уходит мотивировка поступков героя. Предложенный порядок разложения развёрнутого высказывания на смысловые звенья с учётом звеньев, удержанных переводом, может использоваться при оценке качества переводов узбекской психологической прозы и при подготовке новых переводов романа.

Список использованной литературы:

1. Абдулла Кадыри. Минувшие дни / Абдулла Кадыри; перевод с узбекского Л. Бать, В. Смирновой. – Ташкент: Художественная литература, 1958. – 371 с.
2. Абдулла Кадыри. Минувшие дни / Абдулла Кадыри; перевод с узбекского М. Сафарова. – Ташкент: Шарқ, 2009. – 432 с.
3. Абдулла Қодирий. Ўтган кунлар / Абдулла Қодирий. – Тошкент: Шарқ, 2014. – 400 б.
4. Белая, Е.Н. Практический курс перевода / Е.Н. Белая. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 92.
5. Вахтин, Б.Б. Выступление на Всесоюзном симпозиуме по художественному переводу / Б.Б. Вахтин // Актуальные проблемы теории художественного перевода. – Москва, 1967. – Т. 2. – С. 22–26.
6. Голикова, Ж.А. Перевод с английского на русский / Ж.А. Голикова. – 4-е изд. – Москва: Новое издание, 2008. – С. 287.
7. Есин, А.Б. Психологизм русской классической литературы / А.Б. Есин. – Москва: Просвещение, 1988. – 176 с.
8. Иеронова, И.Ю. Теоретические основы подготовки будущих переводчиков к межкультурному посредничеству / И.Ю. Иеронова. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – С. 229.
9. Камилова, С.Э. Развитие поэтики жанра рассказа в русской и узбекской литературе конца XX и начала XXI века: автореферат дис. ... д-ра филол. наук / С.Э. Камилова. – Ташкент, 2016.
10. Кашкин, И.А. Текущие дела / И.А. Кашкин // Мастерство перевода: сборник статей. – Москва: Советский писатель, 1959. – С. 106–152.

11. Компанеец, В.В. Художественный психологизм в советской литературе: 1920-е годы / В.В. Компанеец. – Ленинград: Наука, 1980.
12. Куронов, Д.Х. Истиқлол дарди (Чўлпоннинг ижтимоий-сиёсий қарашлари тадрижи) / Д.Х. Куронов. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2000.
13. Маркиш, С. Несколько заметок о переводах с древних языков / С. Маркиш // Мастерство перевода: сборник статей. – Москва: Советский писатель, 1959. – С. 155.
14. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва: Русский язык, 1990. – С. 255.
15. Рыльский, М. Искусство перевода. Статьи. Заметки. Письма / М. Рыльский. – Москва: Советский писатель, 1986.
16. Семенова, М.Ю. Основы перевода текста / М.Ю. Семенова. – Москва: Феникс, 2009. – С. 344.
17. Sulton, I. Adabiyot nazariyasi / I. Sulton. – Toshkent: O'qituvchi, 2005.